

- *Никогда не поздно поумнеть.*
- *В каждом положении отыщется что-нибудь утешительное, если хорошо поискать.*
- *Добрый советчик может вернуть человека к жизни, он вселяет отвагу в слабодушного и пробуждает в разуме человеческом способность поступать нужным образом.*

- *В минуты колебания смело следуй внушению внутреннего голоса, если услышишь его, хотя бы, кроме этого голоса, ничто не побуждало тебя поступить так, как он тебе советует.*
- *К каким только нелепым решениям не приходит человек под влиянием страха! Страх отнимает у нас способность распоряжаться теми средствами, какие разум предлагает нам в помощь.*
- *Человеку не хватает мудрости успокоиться на достигнутом.*
- *Самая высокая степень человеческой мудрости - это умение приспособиться к обстоятельствам и сохранять спокойствие вопреки внешним грозам.*
- *Страх - болезнь, расслабляющая душу, как расслабляет тело физический недуг.*

- *Никогда не поздно поумнеть.*
- *В каждом положении отыщется что-нибудь утешительное, если хорошо поискать.*
- *Добрый советчик может вернуть человека к жизни, он вселяет отвагу в слабодушного и пробуждает в разуме человеческом способность поступать нужным образом.*

- *В минуты колебания смело следуй внушению внутреннего голоса, если услышишь его, хотя бы, кроме этого голоса, ничто не побуждало тебя поступить так, как он тебе советует.*
- *К каким только нелепым решениям не приходит человек под влиянием страха! Страх отнимает у нас способность распоряжаться теми средствами, какие разум предлагает нам в помощь.*
- *Человеку не хватает мудрости успокоиться на достигнутом.*
- *Самая высокая степень человеческой мудрости - это умение приспособиться к обстоятельствам и сохранять спокойствие вопреки внешним грозам.*
- *Страх - болезнь, расслабляющая душу, как расслабляет тело физический недуг.*

Решительность

изобретательность

1. Я решил огородить кусок луга ярдов в полтораста длиной в сто шириной и на первый раз ограничился этим. На таком выгоне могло пастись всё моё стадо, а к тому времени, когда оно разрослось бы, я всегда мог увеличить выгон новым участком.
Это было осмотнительное решение, и рьяно принялся за работу. Первый участок я огораживал около трёх месяцев и во время своей работы перевёл в загон всех трёх козлят... я часто приносил им ячменных колосьев или горсточку риса и давал есть им из рук, так что, когда изгородь была окончена и заделана и я развязал их, они ходили за мной следом и блеяли, выпрашивая подачки.
Это отвечало моей цели, и года через полтора у меня было двенадцать коз, считая и козлят, а ещё через два года моё стадо выросло до сорока трёх голов. С течением времени у меня образовалось пять огороженных загонов, в которых я устроил по маленькому закутку, куда загонял коз, когда хотел поймать их, - все эти загоны соединялись между собой воротами.
2. Когда пришла пора печь хлеб, я развёл большой огонь на очаге... Дождавшись, чтобы дрова прогорели, я разгрёб уголья по всему очагу и дал им полежать несколько времени, пока очаг не раскалился. Тогда я отгрёб весь жар в сторонку, поместив на очаге свои хлебы, накрыл их глиняным блюдом, опрокинув его кверху дном, и завалил горячими угольями. Мои хлебы испеклись, как в самой лучшей печке.
3. Весь день жарил черепаху на угольях. Нашёл в ней штук шестьдесят яиц. Никогда в жизни я, кажется, не едал такого вкусного мяса.
Никогда в жизни я не доил корову, а тем более козу, и только в детстве видел, как делают масло и сыр, и тем не менее, когда приспела нужда, научился – конечно, не сразу, а после многих неудачных опытов, но всё же научился и доить, и делать масло и сыр и никогда потом не испытывал недостатка в этих продуктах.
4. И вот я принялся портняжничать, или, вернее, кромсать и ковырять иглой, ибо, говоря по совести, я был довольно-таки горе-портной. Как бы то ни было, я с грехом пополам состряпал две или три куртки, которых, по моему расчёту, мне должно было надолго хватить. О первой моей попытке сшить брюки лучше не говорить, так как она окончилась постыдной неудачей.
Я уже говорил, что сохранял шкурки всех убитых мною животных. Каждую шкурку я подсушивал на солнце, растянув на шестах. Первым делом я сшил себе из них большую шапку. Я сделал её мехом наружу, чтобы лучше предохранить себя от дождя. Шапка мне так удалась, что я решил соорудить себе из такого же материала полный костюм, то есть куртку и штаны.

5. И вот я решил вылепить несколько кувшинов, возможно большего размера, чтобы хранить в них зерно, муку. Воображаю, как посмеялся бы надо мной (а может быть, и пожалел бы меня) читатель, если б я рассказал, как неумело я замесил глину, какие нелепые, неуклюжие, уродливые произведения выходили у меня, сколько моих изделий развалилось оттого, что глина была слишком рыхлая и не выдерживала собственной тяжести, сколько других потрескалось оттого, я поспешил выставить их на солнце, и сколько рассыпалось на мелкие куски при первом же прикосновении к ним как до, так и после просушки.
6. Вторым из ежедневных моих дел была охота, занимавшая у меня часа по три каждое утро, когда не было дождя.
7. Я вскопал, как мог, небольшой клочок земли деревянной лопатой, разделил его пополам и засеял одну половину рисом, а другую – ячменём; во время посева мне пришло в голову, что лучше на первый раз не высевать всех семян, - я же не знаю наверно, когда нужно сеять. И я посеял около двух третей всего запаса зерна, оставив по горсточке каждого сорта про запас.
Видя, что мой первый посев не всходит, я стал искать другого места, с более влажной почвой, чтобы произвести новый опыт. Я разрыхлил новый клочок земли около моего шалаша и посеял здесь остатки моего зерна.
Зато я был теперь опытным хозяином и точно знал, какая пора наиболее благоприятна для посева и что ежегодно я могу сеять дважды и, следовательно, получать два сбора.
8. Удил рыбу, но ни одной съедобной не поймал. Соскучившись, хотел было уже уходить, но, закинув удочку в последний раз, поймал маленького дельфина. Удочка у меня была самодельная... Тем не менее на мою удочку ловилось столько рыбы, что я мог есть её вволю. Ел я её вяленою, просушивая на солнце.
9. Я принялся за изготовление самых необходимых предметов обстановки, прежде всего стола и стула... И вот я принялся столярничать. Ни разу в жизни до тех пор я не брал в руки столярного инструмента, и тем не менее благодаря трудолюбию и прилежанию я мало-помалу так наловчился, что, несомненно, мог бы сделать что угодно... Но даже и без инструментов или почти без инструментов, с одним только топором да рубанком я смастерил множество предметов, хотя, вероятно, никто ещё не делал их таким способом и не затрачивал на это столько труда.

10.Прежде чем ставит палатку, я начертил перед углублением полукруг... Затем по всему полукругу я набил в два ряда крепкие колья, прочно, как сваи, заколотив их в землю. Верхушки кольев я заострил... Между двумя рядами кольев я оставил не более шести дюймов свободного пространства. Весь этот промежуток между кольями я заполнил до самого верху обрезками канатов, взятых с корабля, сложив их рядами один на другой, а изнутри укрепил ограду подпорками, для которых приготовил колья потолще и покороче. Для входа в это огороженное место я устроил не дверь, но короткую лестницу через частокол; входя к себе я убирал лестницу.